

УДК 902.904 (574)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.187.198>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОГО ПЕРИОДА (МОНГОЛИЯ И АЛТАЙ)

©2025 г. Н. Богенбаев, С. Кентбек, Т. Молдабай, Н. Смагулов, А. Жалмырза

В статье рассматриваются материальная и духовная культура древних тюрков на основе археологических памятников – каменных изваяний, ритуальных оградок, курганов, петроглифов и этнографических данных, относящихся к эпохе Тюркского каганата. Авторы статьи провели научный анализ ритуальных комплексов и строительных компонентов, возведенных для правящих каганов династии Ашина в степях Монголии, в центре Восточно-тюркского каганата. В частности, авторы дают пояснение касательно археологических артефактов, найденных в тюркских курганах, таких как посуда, оружие, монеты и одежда. Вместе с этим, дается характеристика иконографическому и стилистическому характеру оформления каменных изваяний, их социокультурным аспектам. Охвачены также исследования ритуальных комплексов «Номгон-2» и «Шивээт улаан», в археологических раскопках которых принимал участие один из авторов статьи.

Ключевые слова: археология, древние тюрки, культура, этнология, курганы, оградки, ритуальный комплекс, каменное изваяние.

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF TURKIC PERIOD ARCHAEOLOGICAL SITES (MONGOLIA AND ALTAI)

N. Bogenbaev, S. Kentbek, T. Moldabai, N. Smagulov, A. Zhalmyrza

The article examines the material and spiritual culture of the ancient Turks, based on archaeological monuments such as stone statues, ritual fences, barrows, petroglyphs, and ethnographic data dating back to the era of the Turkic Khaganate. The authors conducted a scientific analysis of ritual complexes and structural components erected for the ruling khagans of the Ashina dynasty in the Mongolian steppes, at the centre of the Eastern Turkic Khaganate. They provide explanations regarding archaeological artifacts found in Turkic barrows, including pottery, weapons, coins, and clothing. Additionally, the article characterizes the iconographic and stylistic features of stone statues and explores their social and cultural aspects. The research also covers the Nomgon-2 and Shiveet Ulaan ritual complexes, which were excavated by one of the authors.

Keywords: archaeology, ancient Turks, culture, ethnology, barrows, fences, ritual complex, stone statue.

Тюрки за длительный период времени не только создали на евразийском пространстве мощное государство, сформировали собственную культуру, но и внесли значительный вклад в развитие духовных ценностей сопредельных народов и в мировую цивилизацию. Свидетельством высокой, развитой тюркской культуры стали найденные во всех регионах Великой Степи курганы, важнейшие артефакты цивилизации – орхонские, енисейские, таласские надписи, образцы уникального изобразительного искусства: настенные фрески, петроглифы, наскальные тамги. Эти удивительные произведения древнего искусства встречаются повсеместно в Монголии, Тыве, Алтае, Хакасии, Восточном Туркестане, Казахстане, Кыргызстане, а также в регионах Восточной Европы и Северного Кавказа, ныне населенных тюркскими народами. Обнару-

женные на месте археологических раскопок предметы культуры других народов, такие как византийские монеты, китайский шелк, иранская посуда, подтверждают тесные торгово-экономические, политико-дипломатические связи Тюркского каганата с соседними странами и культурный вклад тюрков в человеческую цивилизацию.

Наиболее примечательными памятниками, характерными для тюркской эпохи, являются ритуальные комплексы. В зависимости от социального положения покойного человека, они делятся на «элитные» (*аристократические*) и «простые». «Простые» в форме квадрата обложены по периметру камнями, с восточной стороны иногда установлена статуя, изображающая человека. В ходе раскопок часто обнаруживаются останки жертвенных животных и различная посуда. Мемори-

альные сооружения для правителей каганата ограждены орнаментированными каменными плитами, на территории комплексов установлены статуи людей и животных, с надписями. Основное содержание надписей на письменном памятнике посвящено внутренним и внешним политическим событиям, общественной жизни государства, этнической истории и непрерывным военным походам, совершенным на пути к созданию государства.

В Хангайском, Хэнтэйском, Гобийском аймаках Монголии, на территории которых некогда располагался центр Тюркского каганата, сохранилось около 100 ритуальных комплексов, посвященных каганам и тюркским правителям (Идэрхангай, 2017, с. 194). Эти поминальные сооружения были построены в честь выдающихся личностей, таких как Татпар-каган, Кули-чор, Кюль-тегин, Билге-каган, Тоньюкук, оставивших заметный след в истории тюрков. Кроме того, для выходцев из правящих тюркских родов были возведены комплексы Шивэт улан, Хаяа худаг, Номгон (Монголия), Сарыг Булын (Тыва), Елеке сазы, Сарыкольский храм (Восточный Казахстан), а также Улан Худаг-I, Бугана Үзуур-I и II, Баян Булаг-II, Хар Үзуур-I, Харганат-II и Бийрег, обнаруженные в регионах, относящихся к Монгольскому Алтаю.

Среди перечисленных сооружений наиболее известен мемориально-ритуальный комплекс Кюль-тегина. Торжественное открытие этого архитектурного памятника, построенного старшим братом Билге-каганом для умершего 27 февраля 731 года Кюль-тегина, состоялось в августе 732 года. Растянувшаяся по длине с востока на запад площадка комплекса снаружи окружена рвом и огорожена стенами из глиняного кирпича размером 67,25×28,35 м. Внутри комплекса проходит ритуальная дорога, по обеим сторонам которой, в соответствии с тюркскими традициями, установлены статуи в виде сидящих и стоящих людей, а на каменных плитах выбиты надписи о славных деяниях умершего и о состоянии государства. В 8 м на запад от входа находится камень с рельефом дракона с арочным навершием, установленный на постаменте-черепаше. Вверху выгравирован знак-тамга «горного козла» династии Ашина. С давних времен горный козел (таутеке) считался важнейшим источником пропитания

Рис. 1. Золотая корона кагана. Поминальный комплекс «Билге кагана». (Базылхан Н.)
Fig. 1. Golden crown of the Khagan. Memorial complex of Bilge Khagan. (N. Bazykhhan)

для тюркских племен, поэтому его изображение в изобилии можно встретить на скальных поверхностях. Он также стал символической тамгой на памятнике Кюль-тегина.

Архитектурное строение ритуального комплекса Билге-кагана, каменные статуи и коллекция найденных в ходе раскопок артефактов (золотая корона, серебряные пояса, статуи животных) характеризуют богатую и развитую культуру эпохи Восточного-тюркского каганата (Баяр, Амартүвшин, Энхтөр, Гэрэлбадрах, 2003, с. 75–83) (рис. 1). В целом комплекс состоит из ритуальной дороги, центрального храма-барыка, ритуального алтаря для жертвоприношений и целого ряда балбалов на восточной стороне.

В центре комплекса площадью 13×13 м, в храме-барыке, расположенном на фундаменте 10,25×10,25 м, найдены фрагменты статуи Кюль-тегина и обломки статуи, изображавшей его жену (катун). Также на стенах храма обнаружены фрагменты фресок. Гранитный ритуальный алтарь для жертвоприношений находится на западной стороне комплекса.

Одним из новых поминальных мемориалов, сходных по всем признакам с комплексами Билге-кагана и Кюль-тегина, является ритуальный комплекс Номгон-2, обнаруженный в Архангайском аймаке Монголии. Считается, что это сооружение было построено для Кутлука Элтериса, возродившего Тюркский каганат в 682–692 гг. Комплекс имеет сложную структуру, состоит из площади, внешне-

Рис. 2. «Номгон-2» Часть древнетюркских надписей стороны - П. (Базылхан Н.)

Fig. 2. "Nomgon-2" Part of the ancient Turkic inscriptions of the side - II. (N. Bazyilkhan)

го ограждения, стен, замков, ворот. С запада на восток вокруг комплекса вырыта траншея, из грунта которой насыпан вал, что превращает сооружение в защищенный замок. На западной стороне комплекса находится алтарь в виде большого четырехугольного камня с выемкой в центре. Такой же алтарь имеется и в комплексах Кюль-тегина и Бильге-кагана. На территории ритуального сооружения сохранились упавшие с верхней части барыка (молитвенного дома, храма) обломки керамики (черепица) и земляная насыпь. Стены барыка уплотнены грунтом, снаружи оштукатурены известью. Очень прочное керамическое покрытие крыши барыка было создано методом обжига из чистой глины. Извлеченные из пола кирпичи свидетельствуют о том, что барык был когда-то ограблен. Кирпичи были изготовлены из смеси местного гравия и также обжигались в специальных формах. Длина сохранившихся кирпичей составляет 33 см, ширина – 17,5 см, толщина – 6,8 см.

С западной стороны барыка была обнаружена голова и нижняя часть статуи кагана, первоначально находившаяся внутри храма-барыка. Позже грабители, разрушив здание, вынесли статую и оставили ее снаружи на западной стороне. Каган изображен сидящим, скрестив ноги (молдас кұру). Часть статуи выше пояса сломана, левая рука положена на колено. На головной части статуи кагана изображен головной убор с пятигран-

ной короной, аналогичный короне на статуе Кюль-тегина. В непосредственной близости от ворот комплекса была найдена верхняя часть крупного битиктаса (рис. 2). Площадь сохранившегося фрагмента – 70х74,5 см, ширина – 19 см. На каждой грани битиктаса выгравированы надписи на древнетюркском, согдийском и брахми.

Кроме этого, был обнаружен постамент-черепаха битиктаса с отломленной головой. Вероятно, камень изначально был установлен на этой сохранившейся в первозданном виде подставке, обращенной на восток. Разбита только верхняя часть памятника. В верхней части панциря черепахи имеется специальный паз для установки битиктаса. Длина сооружения – 97,5, высота – 41 см, ширина – 73 см (Кыдырали, Энхтур, Базылхан, Богенбаев, Буянхишиг, Батболд, 2023, с. 236).

На территории комплекса находятся статуи людей, львов, овец, алтарный камень с углублением посередине. На восточной стороне установлены более 50 балбалов, на девяти из которых выгравирован символ-тамга каганов «таутеке» (горный козел).

Одним из крупнейших памятников этого периода является ритуальный комплекс Шивэт улан. Помимо скульптур человека и животных (рис. 3) на территории сооружения сохранился «Мәңгі тас» (Вечный камень) с родовыми символами-тамгами более 60 тюркских племен (Қыдырәлі, 2018, 78 б.)

Рис. 3. Каменная изваяние сидячего льва. Ритуальный комплекс «Шивээт улаан». Монголия, Булганский аймак (Н.Богенбаев).

Fig. 3. Stone statue of a sitting lion. Ritual complex of Shiveet Ulaan. Mongolia, Bulgan aimag (N. Bogenbaev).

(рис. 4). Большинство символов-тамги на «Мэнгі тасе» соответствуют знакам тюркских племен в период правления основателя Второго Тюркского каганата Элтериса Кутлук-ка: ашина, ашида, басмил, бугы, едиз, хазар, карлук, кей, кыргыз, кидан (кара китай), кун, огуз (баяндур, эймур, игдыр, языр), сыр (кипчак), тонра, тюргеш, уйгур, яглакар и других (Войтов, 1996, с. 88., Қыдырәлі, Баба-яр, 2015, с. 150). В западной части комплекса расположен храм восьмиугольной каменной кладки с куполом, что не типично для традиций того времени, когда молельня выглядела как узорчатый саркофаг или просто каменная плита. Длина каждой грани храма составляла 7 м, высота – 4 м. Деревянные лаги, поддерживающие купол, уложены между стенами через каждые 50–60 см.

Наряду с культовыми сооружениями, эти ритуальные комплексы имеют большое значение для системного изучения религи-

озной идеологии древних тюрков. Каменные купольные мавзолеи Козы-Корпеш – Баян-Сулу, Домбаула и других в казахской степи в IX–XIII столетий признаны передовыми образцами вышеупомянутых архитектурных творений.

В ритуальных комплексах этого периода в большинстве случаев встречаются места жертвоприношений овец и лошадей, а также считавшимися священными остатки кострищ. В этих местах в честь усопшего устраивали поминки (ас беру) и скачки (байга) на лошадях (Евтюхова, 1952, с. 72). Примером может послужить найденная при изучении мемориального комплекса Бильге-кагана целая кость принесенного в жертву барана и места ритуальных церемоний, обнаруженные в разных частях Евразии (Баяр, Амартүвшин, Энхтөр, Гэрэлбадрах, 2003, с. 75-83).

У тюрков было несколько видов погребальных обычаев. Например, в курганах, найден-

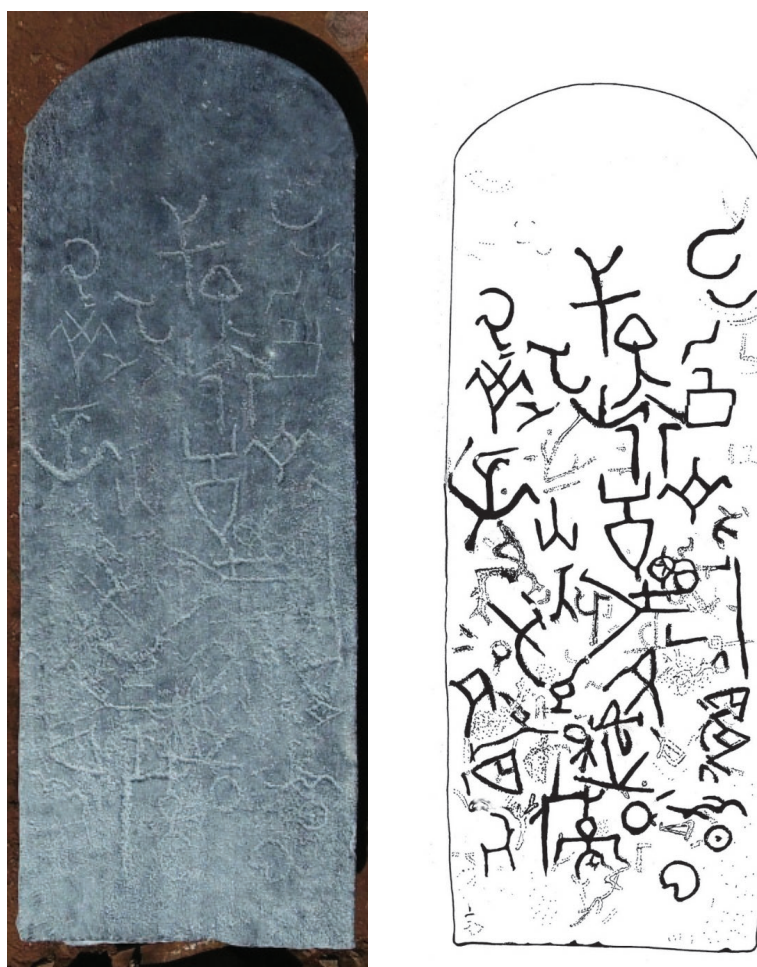

Рис. 4. «Мәңгі тас» (Вечный камень) с родовыми символами-тамгами.

Поминальный комплекс Шивээт -улаан. Н.Базылхан

Fig. 4. "Mangi tas" (Eternal stone) with with clan symbols (tamgas).

Memorial complex of Shiveet-Ulaan. N. Bazylkhan

ных на прилегающей к Монголии территории Горного Алтая, Тывы, Хакасии, Казахстана сохранились виды курганов, где вместе с предметами быта были погребены или захоронены лошади (чаще всего две-три) и совершались обряды сжигания (Овчинникова, 1990).

Курганы обычно представляют собой небольшой холм, засыпанный грунтом и обложенный поверху камнями. От памятников предыдущих эпох (сакской, гуннской, усуньской) они отличаются погребальной традицией и предметным наполнением архитектурной среды (Киселев, 1951, с. 519). Прежде тело усопшего при захоронении располагали головой на запад, а в эпоху тюрков стали укладывать лицом на север (Қазақстан тарихы, 2010, с. 362). В этих курганах часто встречаются человеческие кости, кости лошадей и овец, оружие и посуда. Найденные сосуды имеют

вертикальную горловину с двумя выступающими сторонами, загнутыми краями. Такие сосуды часто использовались в быту средневековых тюрков (Кубарев, 1984, с. 34). Изображения такой посуды также распространены в каменных скульптурах на территории Монголии, Алтая, Казахстана (Досымбаева, 2007, с. 44).

Часть курганов, относящихся к тюркской эпохе, составляют памятники кудыргинского периода. Внутри этих захоронений сохранился инвентарь, характерный для предшествующих эпох. Иногда можно обнаружить и предметы, относящиеся к булан-кобинской культуре (Тишкин, Горбунов, 2002, с. 91). В то же время все чаще встречаются новые виды мечей, лошадиной упряжи, узорчатых седельных луков, удила, подпруг, каплевидных серег и подвесок (серег-шандельеров).

Также к периоду первого Тюркского каганата относятся курганы Катанды, Боратал, Тыткескен, Балык-Соок, Большой Жоламан, Кара-Коба, Ак-Кобы, Барбургазы, Курай и др. В них часто встречаются образцы односторонних или обоюдоострых мечей и айбалты (боевые топоры), свидетельствующие о повсеместном применении тюрками тяжелых видов оружия (Тишкин, Горбунов, 2002, с. 91). В этот период создавались стремени в форме сердца, удила в форме цифры 8 и S-образные подпруги (Тишкин, 2006, с. 35). Подобные экземпляры конской упряжи встречаются и в Арбанском чаатасе, Улут-Хоруме в Туве, Минусинской котловине (Грач, 1982, с. 156), Крохалевском кургане в Новосибирске (Троицкая, Новиков, 1998, с. 152), в некрополях Горного Алтая (Гричан, Плотников, 1999, с. 77). В погребальном обряде катандинского периода сохранились характерные для предшествующих периодов традиции погребения с одной или несколькими лошадьми. К таким погребальным памятникам можно отнести и курганы, обнаруженные в Южной Сибири, на Алтае, в Тыве, Минусинских котловинах. Ученые утверждают, что курганы с лошадьми в Монголии принадлежат тюркам, на Алтае – племенам теле, а захоронения в Минусинской котловине – кыргызам (Савинов, 1984, с. 47). Кроме того, сохранилось несколько типов курганов, свидетельствующих о существовании у тюрков ритуала кремации (Нечаева, 1966, с. 140-142).

Отдельную группу в материальной культуре тюркской эпохи составляют каменные изваяния. Помимо ритуальных комплексов, изваяния часто встречаются в долинах крупных рек с благодатной природой. Каменные статуи этого периода всегда изображаются в боевом облачении: с мечами, кинжалами, поясами, доспехами. На художественно вырезанных изваяниях представлены характерные для использования знатью предметы одежды, скипетры, посуда. Скульптуры, посвященные каганам, бекам, героям, являются вершиной мастерства и отражают величие представленных людей (Досымбаева, 2007, с. 44). В ритуальном комплексе Шивэт улан сохранилась группа каменных изваяний, изображающих представителей разных групп общества. Мастер-скульптор передал образы людей, учитывая их этнические, социальные и возрастные особенности. В частности, реали-

стично и художественно переданы типичные для аристократии образцы одежды, атрибуты (скипетр в руке, ритуальный сосуд), иконографический стиль. Изображение готовой к полету птицы высечено на передней части головного убора, найденной на территории этого комплекса мужской статуи. Лицевая часть головы статуи передает образ благородного кагана (Bogenbayev, Calmirza, 2014, с. 75).

Если не принимать во внимание единичные женские статуи в мемориалах Кюль-тегина, Бильге-кагана и в комплексе Шивэт улан, то можно утверждать, что женские образы среди статуй периода Восточно-тюркского каганата встречаются редко. В типичном для тюрков искусстве ваия частое присутствие мужских образов можно связать с военными походами. Каменные скульптуры этой эпохи обычно изображают погибших в бою людей. Факты из китайских летописей, свидетельствующих о том, что «у изголовья могил тюрков ставится каменный знак или статуя, на которой изображен образ усопшего и рассказывается о его героических подвигах при жизни», отражают патриотический дух тюрков (Бичурин, 1950, с. 230). Поэтому до сих пор многие тюркские каменные скульптуры широко почитаются в народе. У некоторых из них даже сохранились названия. К ним можно отнести статуи «Акташ» и «Кезер» в Кош-Агачском районе Республики Алтай (РФ), «Даян батыр», «Увшхай», «Ловх», «Лам чулуу» в Монголии, «Чингисхан» в Тыве (Кубарев, 1984).

Традиционные модели одежды и атрибуты аксессуаров, изображенные на скульптурах, отражают этнокультурную идентичность средневековых тюрков. Особый интерес представляют выбитые на одежде оригинальные узоры и иконографический стиль. Одним из украшений каменных фигур являются серьги, имеющие шаровидную форму или тупую вершину. Их аналогами стали ювелирные находки в курганах VII–VIII веков (Евтюхова, 1952, с. 105).

Рельефно вытесанный широкий воротник на статуях означает сшитую из ценного меха дорогую шубу. Гардероб тюрков в основном представляли зимние шубы, предназначенные для различных сезонов чапаны, чекмени, кебенки (виды верхней мужской одежды). Все это создавалось с учетом природно-климатических условий и древних традиций. Для их изготовления использовались шкуры диких и

домашних животных, растительные волокна. Одежда запахивалась на правую сторону и подвязывалась поясом. Каганы и беки носили подбитый шелком дорогой наряд, иногда – позолоченные доспехи, шлемы. В письменных источниках сохранились сведения о золотом панцире и шлеме славного тюркского кагана Шаболио (Малявкин, 1989, с. 279). Жрецы и тарханы предпочитали одеяния с длинными рукавами, украшенные драгоценностями. Особо популярные до сих пор среди народа чапаны шились из различных видов шелковой ткани.

Каменные изваяния и курганы тюркской эпохи сохранили образцы таких головных уборов, как кулапара (платок, покрывавший голову снаружи для защиты от воды), тымак (мужская зимняя шапка), такия (летние круглые или квадратные шапочки, сшитые из плотной ткани). На тюркских скульптурах часто встречается вид невысокого тымака с загнутой вверх затылочной частью и двумя ушами (Евтюхова, 1952, с. 72-120). На головах трех человек, изображенных на каменной плите памятника Хул Асхат (Монголия), надежды тымаки с прикрывающей затылок задней частью, двумя опущенными по бокам ушами и слегка выступающей лобной частью. Один из головных уборов, многие годы существовавший у тюркских народов, нашел свое отражение в скульптурах ритуального комплекса Шивэт улан. Голова недавно обнаруженной в этом комплексе статуи позволяет представить этот удивительный средневековый убор. Передняя часть головного убора разделена на две части прямо посередине и представлена одним рельефом. Остальная часть полностью закрывает затылок и уши. На затылке шнур шириной 3 см натягивается с двух сторон и завязывается узел.

Брюки изготавливали из различных тканей и мягкой дубленой кожи. На стене каменного гроба в согдийском захоронении Аньцзян в городе Чанъань тюркский правитель изображен в накидке с красным воротником и узкими рукавами, в красных штанах и черных сапогах (Сунгатай, Еженханұлы, 2005, с. 37). Во время раскопок было обнаружено очень много кожаных и шерстяных штанов (История Сибири, 1968, с. 279). Брюки были компактными, их можно было заправить в сапоги. Сапоги делались без каблука, с мягким голенищем, тонкой подошвой и загнутым острым носком

(Қазақстан тарихы, 2010, с. 365). Подобная обувь из мягкого черного войлока активно использовалась на Тибете и в Восточном Туркестане вплоть до недавних времен (Гумилев, 1994, с. 66). В курганах Кураин тал, Катанда такая обувь встречается в виде «войлочных носков» (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 32). В целом несмотря на то, что образцы обуви тюркской эпохи в захоронениях встречаются редко, изображения на каменных изваяниях дают нам полное представление о том, во что были обуты тюрки.

Еще одним немаловажным атрибутом традиционной тюркской одежды является комплект из поясов. В ритуальных захоронениях и древних каменных изваяниях, в настенных росписях евразийского пространства представлены различные формы этого важнейшего атрибута. Пояс сохранился как особенный элемент одежды с древнетюркской эпохи и до наших дней, так как он выполнял символическую функцию, демонстрируя богатство и авторитет человека. Украшенные в соответствии со стилем пояса носили каганы и военачальники различного социального уровня, жрецы (Сунгатай, Еженханұлы, 2005, с. 37). Имеются сведения, что в 627 г., когда западно-тюркский каган Тун Шеху был обручен с китайской принцессой, он подарил императору золотую корону и золотой пояс, украшенный драгоценными камнями (Бичурин, 1950, с. 284). Видно, что дужки поясов на одежде людей, изображенных на афрасиабских фресках в зале для приема послов, выполнены из золота, а два язычка посередине пояса – из драгоценных материалов (Альбаум, 1975, с. 51).

Брюки шились из различных тканей и дубленой мягкой кожи. В городе Чанъань на согдийской могиле в Аньцзяне на каменной плите гроба тюркский правитель изображен в красном утепленном чапане с отложным воротником, обтягивающими рукавами, в красных брюках, на ногах черные сапоги закрывающие колени (Сунгатай, Еженханұлы, 2005, с. 37). Вместе с тем, в изобилии встречаются меховые и шерстяные брюки, обнаруженные в ходе археологических раскопок (История Сибири, 1968, с. 279). Штанины брюк были компактными и помещались внутри сапог. Сапоги были без каблуков, с мягкими голенищами, тонкой подошвой и острым носком (Қазақстан тарихы, 2010, с. 365). Подоб-

ные виды сапог из мягкого черного войлока использовались в Тибете и Восточном Туркестане до недавнего времени (Гумилев, 1994, с. 66). Подобные сапоги встречаются в курганах Курайн-тал, Катанда в виде «войлочных байпаков» (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 32). Хотя образцы обуви тюркской эпохи были редкостью в захоронениях, обувь, изображенная на каменных статуях, позволяет нам представить, какую форму имели тюркские сапоги.

Как правило, на поясах-ремнях подвешены сумочка-*каптарга*, точила, оружие. В тюркских курганах встречаются хорошо сохранившиеся сумочки-*каптарга*, сшитые из кожи и плотных тканей (Кубарев, 2008, с. 137). Чаще всего, они крепятся с правой стороны, реже - с обеих сторон. По форме сумочка-*каптарга* бывают круглые, полукруглые, иногда скошенные или трапециевидные. В такие карманы из кожи или плотной конопляной ткани помещали минеральные краски, зеркала, различные амулеты и дорогие предметы. В сумочка-*каптарга* из шелковой ткани, найденном в кургане Курай на Алтае, было обнаружено несколько кремниевых и железных огнив (Киселев, 1951, с. 541). Путешественник Гильом Рубрук в своих записях отметил, что сумочка-*каптарга*, в которые клали мелкие предметы, кипчаки называли «каптаргак» (Путешествие в восточные страны..., 1957, с. 96).

Тюрки, в основном, занимались разведением лошадей, верблюдов, коров, овец и коз. В летописи «Вэй шу» упоминается о том, что «у теле много лошадей, и, хотя они пасутся без присмотра далеко в степи, никто не прикасается к скоту, потому что у каждого рода есть своя тамга» (История Сибири, 1968, с. 280). Основным транспортным средством тюрков была лошадь, но в хозяйстве в качестве дополнительного транспорта также активно использовались волы, быки, что продолжалось и у более поздних тюркских народов (Киселев, 1951, с. 279). Основное блюдо – мясо, напитки - молоко, айран, кумыс. В китайских летописях сохранилась информация об употреблении тюрками молочных продуктов, таких как кумыс и сыр. Наличие белесых остатков молока на дне кувшинов, найденных в тюркских захоронениях, подтверждают данные летописей. Курт, сыр, айран, кумыс счита-

лись наиболее удобными продуктами питания во время кочевков, охоты и войны. Ранние тюрки употребляли корни и семена растений, а также ячмень, пшеницу, овес и др. Археологи обнаружили поселения и стоянки тюркской эпохи, в которых люди вели оседлый образ жизни в регионах с благоприятными природными условиями, занимались земледелием и сельским хозяйством. Рядом с селом Катанды на Алтае в некрополе, датируемом VIII–IX веками, было обнаружено треугольное полотно лопаты, а в тюркском некрополе VI–X веков красиво выполненная ручная мельница (Қазақстан тарихы, 2010, с. 503). Кроме того, установлено наличие оросительной системы в долинах Курайской равнины, реки Урсул и реки Курота. Так как основным источником существования тюрков являлось животноводство, то джут-бескормица, вызывающий падеж скота, был самым страшным бедствием. Массовая гибель животных происходила в годы чумы или сильного холода. Во время голода тюрки измельчали в порошок собранные кости погибшего скота и употребляли в качестве пищи.

В то же время в горах, на равнинных пастбищах, в густых лесах и рощах тюрки занимались охотой. Они ловили диких зверей с помощью борзых, хищных птиц, ловушек, капканов. Часто встречающиеся в петроглифах изображения охотничьих собак и всадников, держащих в руках орлиных птиц, свидетельствует о распространении среди тюрков этого вида деятельности. Образ охотника с копьем и луком широко представлен на скальных поверхностях в Тыве, Монголии, Алтае, Казахстане и Кыргызстане.

Тюрки умели изготавливать для своего хозяйства ткани из войлока, кожи, шерсти, бересты, растительного волокна и эффективно использовать их для изготовления одежды, жилья и постельных принадлежностей. Юрты полностью покрывались войлоком. Остатки войлока часто встречаются в тюркских захоронениях VI–VIII веков (История Сибири, 1968, с. 277). Тюрки могли мастерски изготавливать и тонкие нити, и толстые веревки из различных органических материалов.

В тюркскую эпоху не только производилась выплавка железа, но и шло изготовление различных изделий из него. В курганах VII–VIII вв. обнаружены многочисленные

находки комплектов серебряных ремней, сосудов, золотых серег с двойными подвесками из жемчуга, конской упряжи, луки, стрелы, наконечники копий и железные мечи, что свидетельствуют о высоком уровне развития кузнечного, ювелирного искусства (Кубарев, 2008, с. 136). Об освоении большого разнообразия металлов известно еще со времен сакского периода, а письменные и археологические данные подтверждают интенсивное развитие этого направления в эпоху Тюркского каганата. В мировой истории признано, что тюрки первыми в Центральной Азии производили железо промышленным путем (Гумилев, 1994, с. 65). По свидетельствам византийского посла Земарха, встретившие его тюрки показали образцы металла, чтобы продать и подчеркнуть свою политическую силу. Известный археолог С.И. Руденко открыл в Алтайском крае крупные металлургические центры, доказав, что в этих регионах имелся большой запас ценных руд. В Тыве, соседствующей с Алтаем (Гумилев, 1994, с. 64), Хакасии, вблизи Ангары также обнаружены очаги рудной металлургии (Киселев, 1951,

с. 574-581). Искусство обработки металлов древних тюрков нашло свое продолжение у современных тюркских этносов Саяно-Алтая. Например, сохранились данные о том, что у шорцев, кумандинцев и тубаларов работа с железом была основным занятием. Они изготавливали различные предметы из металла и в определенный период выплачивали ими дань джунгарам.

Рассматривая культурное наследие древних тюрков, становится очевидным то, что они через свою самобытную культуру оказали влияние на развитие искусства и цивилизации соседних народов. Археологические, этнографические и письменные данные, обнаруженные на обширных пространствах от Центральной Азии до Восточной Европы, позволяют четко проследить такую связь. В результате распространения тюрков на евразийском пространстве и их взаимодействия с другими кочевыми народами этой территории, а также обмена достижениями сформировались общее мировоззрение и культура тюркских народов от Байкала до Черного моря.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: ФАН Узбекской ССР, 1975. 112 с.
- Баяр Д., Амартүвшин Ч., Энхтөр А., Гэрэлбадрах Ж. Билгэ хааны тахилын онгоны судалгаа // *Studia Archaeologica*. 2003. Т. (1) XXI, Fasc. 8. С. 75–83.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: АН СССР, 1950. 470 с.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Гос. музей Востока, 1996. 152 с.
- Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Корым в Южной Тыве // *Археология Северной Азии* / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.
- Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 2 / Ред. О.А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 76–77.
- Гумилев Л.Н. Көне түріктер. Алматы: Білім, 1994. 480 б.
- Досымбаева А.М. Батыс Түрік қағанаты. Қазақ даласының мәдени мұрасы. Алматы: Түркі мұрасы, 2007. 168 б.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // *Материалы и исследования по археологии Сибири*. Т. 1 / МИА. № 24. / Ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1952. С. 72–120.
- Идэрхангай Т-О. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация. Дисс. ... канд. истор. наук. Барнаул, 2017. 239 с.
- История Сибири с древнейших времён до наших дней. В пяти томах. Том первый. Древняя Сибирь / Гл. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1968. 456 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 642 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев Г. Алтай түріктерінің жерлеу ескерткіштері. VI-VIII ғасырлар Евразиядағы түрік мұрасы (ғылыми-танымдық альбом). Астана: Күлтегін, 2008. 137 б. (264 б.).

Кыдырәлі Д., Энхтур А., Базылхан Н., Буянхишиг Ц., Батболд Г. Поминальный комплекс и стела с надписями Кутлук-Кагана (Предварительный научный отчет совместной экспедиции «Номгон-2019, 2022» Международной Тюркской академии и Института археологии Академии наук Монголии) // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 234–247.

Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Т. 1 / Бас ред. М.Қ. Қозыбаев. Алматы: Атамұра, 2010. 544 б.

Кыдырәлі Д. Шивээт улаан көне түрік ғұрыптық кешені. Археологиялық зерттеудің фотоальбомы. Астана: «Ғылым» баспасы, 2018. 272 б.

Кыдырәлі Д., Бабаяр Ф. Түркі Мәңгі тасы: Шивээт-улаан таңбалы ескерткіші. Астана, 2015. 150 б.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 436 с.

Нечаяева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1966. С. 108–142.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: ЛГУ, 1984. 175 с.

Сұңғатай С., Еженханұлы Б. Тарихи-мәдени жәдігерлер / Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. Т. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 37 б.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история). Автореф.... док. ист. наук. Барнаул, 2006. 56 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. № 9. / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. С. 82–91.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Bogenbayev N., Calmirza, A. The concepts of “kut” and “crow” in ancient Turkic people’s worldview | Eski Türk dünya görüşündeki “kut” e “karga” kavramları // Milli Folklor. 2014, (103), 69-79 ss.

Kydyrali D., Enhtur A., Bazylyhan N., Buianhişig S., Batbold G. Some results of the study of the ancient Turkic memorial complex Nomgon-2 // Қазақстан археологиясы. 2023. № 1 (19). С. 68-83.

Информация об авторах:

Богенбаев Нурболат, PhD., эксперт Международной Тюркской академии. (г. Астана, Казахстан); nurik198080@mail.ru

Кентбек Салават Қамшыбаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана и АНК. Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); kentbek59@mail.ru

Молдабай Талгат, PhD., доцент Евразийский национальный университета имени Л.Н.Гумилева. (г. Астана, Казахстан); talgatmoldabay@mail.ru

Смагулов Нуртас Бирликович. Старший преподаватель кафедры археологии, этнологии и Отечественной истории. Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); smagulov_ist@mail.ru

Жалмырза Айдын, и.о. доцента кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. (г. Астана, Казахстан), автор-коореспондент; aidynasylybek@hotmail.com

REFERENCES

- Albaum, L. I. 1975. *Zhivopis' Afrasiaba (Afrasiab Painting)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
- Bayar, D., Amartyvshin, Ch., Enkhtor, A., Gerelbadrakh, Z. 2003. In *Studia Archaeologica*. T. (1) XXI, Fasc. 8, 75–83 (in Mongolian).

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* (The collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia of the 6th – 8th Centuries). Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).

Grach, V. A. 1892. In Konopatskii, A. K., Khudyakov, Yu. S. (eds.). *Arkheologiya Severnoi Azii* (Archaeology of Northern Asia). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 156–168 (in Russian).

Grichan, Yu. V., Plotnikov, Yu. A. 1999. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evrasiia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii* (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations) 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 76–77 (in Russian).

Gumilev, L. N. 1994. *Köne tyrikter* (Ancient Turks). Almaty: "Bilim" Publ. (in Kazakh).

Dosymbaeva, A. M. 2007. *Batys Tyrik qazanaty. Qazaq dalasynyñ мәдени мұрасы* (Western Turkish kagante. Cultural heritage of the Kazakh steppe). Almaty: "Turki murasy" Publ. (in Kazakh).

Evtyukhova, L. A. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri* (Materials and research on the archaeology of Siberia). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 24. Moscow: USSR Academy of Sciences, 72–120 (in Russian).

Iderkhangai, T.-O. 2017. *Tyurkskie ogradki Mongol'skogo Altaya: sistematizatsiya, khronologiya i interpretatsiya* (Turkic fences of the Mongolian Altai: systematization, chronology and interpretation). Diss. of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Okladnikov, A. P. (ed.). 1968. *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* (History of Siberia from ancient times to the present day) vol. 1. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kiselev, S. V. 1951. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri* (Ancient history of Southern Siberia). Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kliashorny, S. G., Savinov, D. G. 2005. *Stepnye imperii drevney Evrazii* (The Empires of the Steppes of Ancient Eurasia). St.-Petersburg: St. Petersburg State University (in Russian).

Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaya* (Ancient Turkic Statues of Altai). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubarev, G. 2008. *Altay tyrikteriniñ zherleu eskertkishi. VI–VIII ғасырлар Евразиядағы тырик мұрасы (ғылыми-танымдық альбом)* (Burial monuments of Altai Turks. Turkish heritage in Eurasia of the VI–VIII centuries (scientific and educational album)). Astana: "Kultegin" Publ. (in Kazakh).

Kydyrali, D., Enkhtur, A., Bazykhan, N., Bogenbaev, N., Buyankhishig, Ts., Batbold, G. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya* (Volga River Region Archaeology) 43 (1), 234–247 (in Russian).

Kozybaev, M. K. (ed. in chief). *Qazaqstan tarikhy (köne zamannan byginge deyin)* (History of Kazakhstan (from ancient times to the present)) 1. Almaty: "Atamura" Publ. (in Kazakh).

Kydyrali, D. 2018. *Shiveet ulaan köne tyrik әурытық kesheni. Arkheologiyalyқ zertteudiñ fotoal'bomy* (Shiveet Ulaan ancient Turkish ritual complex. Photo album of archaeological research). Astana: "Gylym" Publ. (in Kazakh).

Kydyrali, D., Babayar, G. 2015. *Tyrki Mәңgi tasy: Shiveet-ulaan таңбалы eskertkishi* (Eternal stone: monument to shiveet-Ulaan tamgaly). Astana (in Kazakh).

Malyavkin, A. G. 1989. *Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentral'noy Azii: Teksty i issledovaniya* (The Tang chronicles of the Central Asian States: texts and research). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nechaeva, L. G. 1966. In Potapov, L. P. (ed.). *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* (Proceedings of the Tuva Integrated Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 108–142 (in Russian).

Ovchinnikova, B. B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaya v VI–X vv.* (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th – 10th centuries). Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Shasina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetiurkskuyu epokhu* (Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Period). Leningrad: LSU Publ. (in Russian).

Sünğatai, S., Ejenhanūly, B. 2005. *Tarikhi-mādeni zhādigەرler (Historical and cultural relics)*. Series: Qazaqstan tarihy turaly qytai derektemeleri (Details of China on the history of Kazakhstan) 2. Almaty: "Dasik-Press" Publ. (in Kazakh).

Tishkin, A. A. 2006. *Altay v epokhu pozdney drevnosti, rannego i razvitogo srednevekov'ya (kul'turno-khronologicheskie kontseptsii i etnokul'turnaya istoriya) (Altai in the era of late antiquity, early and high Middle Ages (cultural and chronological concepts and ethnocultural history))*. Thesis of Diss of Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V. 2002. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 9. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University Publ., 82–91 (in Russian).

Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Bogenbayev, N., Calmirza, A. 2014. In *Milli Folklor*. 2014, (103), 69–79 (in English).

Kydyrali D., Enhtur A., Bazykhan N., Buianhişig S., Batbold G. 2023. In *Kazakhstan arkheologiyasy (Archaeology of Kazakhstan)* 19 (1), 68–83 (in English).

About the Authors:

Bogenbayev Nurbolat. Doctor. Research expert of the International Turkic Academy. Astana, Kazakhstan. nurik198080@mail.ru

Kentbek Salavat, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan and the Assembly of People of Kazakhstan. Karaganda, Kazakhstan. kentbek59@mail.ru

Moldabay Talgat, PhD., Associate Professor of the Department of Turkic Sciences of the L.N.Gumilev Eurasian National University. (Astana, Kazakhstan); talgatmoldabay@mail.ru

Smagulov Nurtas, Senior teacher of the Department of Archeology, Ethnology and National History of the Karaganda University named after academician E.A. Buketov. Karaganda, Kazakhstan. smagulov_ist@mail.ru

Zhalmyrza Aidyn, Associate Professor of the Department of Turkic Sciences of the L.N.Gumilev Eurasian National University. Astana, Kazakhstan. aidynasylbek@hotmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2023 г.
Статья принята к публикации 23.01.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу